

Джеймс
БАЛЛАРД
James
Ballard

ХРУСТАЛЬНЫЙ
МИР

Джеймс Грэм Баллард
Джоконда в полумраке полдня

Scan by Mobb Deep; OCR by Ustas; Readcheck by Loshadka

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153594

Баллард, Джеймс Хрустальный мир: Роман. Рассказы / Пер. с англ.;

Послесловие В. Лапицкого: Симпозиум; СПб; 2000

ISBN 5-89091-144-9

Джеймс Баллард

Джоконда в полумраке полдня

– Проклятые чайки! – пожаловался жене Ричард Мейтленд. – Ты не можешь их отогнать?

Джудит суетилась вокруг инвалидной коляски, ее руки, словно испуганные голуби, металась около его перевязанных глаз. Она вглядывалась в противоположный берег реки, по другую сторону лужайки.

– Постарайся о них не думать, дорогой. Они там просто сидят.

– Просто? В этом-то все и дело! – Мейтленд поднял трость и энергично рассек ею воздух. – Я чувствую, как они за мной следят!

На период выздоровления они поселились в доме матери Мейтленда, в надежде на то, что яркие визуальные воспоминания компенсируют временную слепоту – он слегка повредил глаз, но началось воспаление. В результате Мейтленду пришлось пройти через операцию и на месяц погрузиться в вынужденный мрак. Однако они не рассчитывали, что обострятся и все остальные его чувства. Дом находился в пяти милях от побережья, но из-за прилива жадные птицы, гнездившиеся в дельте, прилетали вверх по течению реки и опуска-

лись на берег в пятидесяти ярдах от того места, где посреди лужайки стояло кресло Мейтленда. Джудит практически не слышала криков чаек, но Мейтленду казалось, будто их алчный клекот наполняет теплый воздух, словно вопли дикого дионисийского хора. Он отчетливо представлял себе влажные берега, по которым струится кровь тысяч разорванных на части рыб.

Охваченный бессильным раздражением, он прислушивался к их голосам, пока они неожиданно не смолкли. Затем с шумом, напоминающим звук рвущейся материи, вся стая поднялась в воздух. Зажав в правой руке трость, словно дубинку, Мейтленд застыл в своем инвалидном кресле, ему вдруг показалось, что чайки сейчас спустятся на лужайку и их отвратительные клювы начнут терзать повязку у него на глазах.

Будто пытаясь призвать их к себе, Мейтленд прочитал вслух:

А за углом поют соловьи
У монастыря Иисусова Сердца.
Поют, как пели в кровавом лесу,
Презревши Агамемновы стоны...¹

В течение двух недель после возвращения Мейтленда из больницы Джудит прочитала ему вслух почти всего раннего

---

¹ Перевод А. Сергеева

Элиота. Казалось, стая невидимых чаек появилась прямо из нарисованных поэтом сумрачных древних пейзажей.

Птицы снова опустились на берег, и Джудит сделала несколько неуверенных шагов по лужайке, тусклые очертания ее фигуры наложились на круг света внутри закрытых глаз Мейтленда.

– Они шумят, точно стая пираний, – заявил он, с усилием рассмеявшись. – Что они делают? Свежуют быка?

– Ничего, дорогой. Насколько я могу видеть... – Джудит словно споткнулась на последнем слове.

Несмотря на то что слепота Мейтленда была временной – более того, слегка отогнув бинты, он различал размытый, но вполне различимый образ сада и склонившиеся над водой ивы, – Джудит продолжала обращаться к нему с традиционной уклончивостью, окружая его тщательно продуманными запретами, которые создали зрячие для слепых. Истинными калекками, подумал Мейтленд, являются лишь те, кто совершенно здоровы.

– Дик, мне нужно съездить в город, чтобы купить продукты. Ты побудешь полчаса один?

– Конечно. Только нажми на клаксон, когда будешь возвращаться.

Необходимость содержать в порядке большой загородный дом, да еще в одиночку, – давно овдовевшая мать Мейтленда отправилась в средиземноморский круиз на теплоходе – не позволяла Джудит проводить с мужем все свое время. К сча-

стью, Мейтленд отлично знал дом и мог по нему перемещаться без посторонней помощи. Нескольких веревочных перил и пары мягких шерстяных шарфов, прикрывавших острые углы стола, оказалось достаточно для обеспечения его безопасности. В действительности Мейтленд с удовольствием бродил по дому, да и ориентировался он в узких коридорах и темных лестницах увереннее, чем Джудит, – по вечерам она часто отправлялась на поиски своего незрячего мужа, и каждый раз удивлялась, увидев, как он бесшумно появляется из дверного проема в двух или трех шагах от нее – Мейтленд полюбил блуждать по старым мансардам и пыльным чердакам. Его восторженное лицо, когда он пытался восстановить какое-то старое воспоминание детства, диковинным образом напоминало Джудит о матери Мейтленда, высокой красивой женщине, чья нежная улыбка, казалось, скрывала яркий внутренний мир.

Поначалу, когда Мейтленд злился на свои повязки, Джудит все утро до самого полудня читала ему вслух газеты, стихи и даже героически одолела первые страницы «Моби Дика». Однако уже через несколько дней Мейтленд смирился со своим положением, и необходимость в постоянной внешней стимуляции исчезла. Он понял то, что хорошо известно любому слепому, – внешняя оптическая информация является лишь частью огромной визуальной активности мозга. Мейтленд ожидал погружения в беспросветную стигийскую тьму, но вместо этого его мозг наполнила нескончаемая иг-

ра света и цвета. Временами, когда он лежал, греясь в лучах утреннего солнца, он видел изысканные оранжевые узоры, напоминающие огромные солнечные диски. Постепенно они превращались в яркие точки, сияющие на фоне окутанного вуалью ландшафта, и смутные очертания фигур – будто дикие животные бродили в сумерках африканского вельда.

Иногда на этом необычном экране сталкивались друг с другом забытые воспоминания – зрительные реликвии детства, как ему казалось, давно похороненные в глубинах памяти.

Именно эти образы, вместе с их дразнящими ассоциациями, больше всего занимали Мейтленда. Позволяя своему разуму погружаться в грезы, он почти всегда мог вызвать их, пассивно наблюдая за тем, как ускользающие картины, словно мерцающие фантомы, материализуются перед его внутренним взором. В особенности одна – короткое видение крутых скал, темных зеркальных коридоров и высокого дома с остроконечной крышей, окруженного стенами. Оно постоянно возвращалось, хотя его детали не имели никакого отношения к воспоминаниям Мейтленда. Мейтленд пытался исследовать это видение, фиксируя в сознании голубые скалы или высокий дом, дожидаясь, пока появятся какие-нибудь ассоциации. Но шум чаек и движения Джудит, которая постоянно сновала мимо него, занимаясь своими делами, отвлекали Мейтленда.

– Пока, дорогой! Я скоро вернусь!

Вместо ответа Мейтленд поднял трость. Он прислушался к шуму удаляющегося автомобиля, который слегка изменил звуковой фон дома. Среди зарослей плюща под кухонными окнами жужжали осы, кружащие над пятнами масла, разлитого на гравии. Кроны деревьев раскачивались в теплом воздухе, заглушая своим шелестом шорох шин. Чайки неожиданно смолкли. Обычно это вызывало у Мейтленда подозрения, но теперь он лишь откинулся на спинку кресла и развернул его так, чтобы лучи солнца падали ему в лицо.

Ни о чем не думая, он наблюдал за ореолом света, бесшумно растущим внутри его разума. Изредка движение ветвей ивы на ветру или жужжание пчелы, бьющейся о стенки стоящего на столе кувшина с водой, возвращали его в исходную точку. Невероятное восприятие малейшего шума или движения походило на сверхчувствительность эпилептиков или жертв укуса бешеной собаки, бьющихся в жестоких конвульсиях. Казалось, исчезли барьеры между глубочайшими уровнями нервной системы и внешнего мира, смягчающие слои крови и костей, рефлексов и отображений...

Мейтленд осторожно вздохнул и расслабился в своем кресле. На экране его сознания появилась картина, виденная им и раньше: скалистая береговая линия, чьи темные утесы вырисовывались сквозь наползающий с берега туман. Пейзаж был выдержан в тусклых желто-коричневых тонах. Низкие тучи в небе отражали оловянную поверхность воды.

По мере того как туман рассеивался, Мейтленд перемещался ближе к берегу и наблюдал, как волны разбиваются о скалы. Плюмажи пены проникали, точно белые змеи, в небольшие озерца и расщелины, в изобилии резвящиеся в изножье скал.

Безлюдное заброшенное побережье напомнило Мейтленду холодные берега Огненной Земли и могилы кораблей на мысе Горн и не имело никакого отношения к его собственным впечатлениям. Однако скалы приближались, вздымаясь ввысь, словно их подлинность отображала некие образы из глубин сознания Мейтленда.

Все еще отделенный от них полосой серой воды, Мейтленд следовал вдоль береговой линии, пока между скалами не открылся вход в небольшой эстуарий. Свет мгновенно стал прозрачным. Дельта пламенела неземным огнем. Голубые утесы окружающих гор украшали маленькие гроты и пещеры, испускавшие мягкое призматическое сияние, как если бы их озаряли подземные светильники.

Стараясь удержать перед собой эту сцену, Мейтленд исследовал берега дельты. Чем ближе он подходил к пустынным пещерам, тем более светящиеся сводчатые проходы, будто залы с зеркальными стенами, начинали отражать свет. Одновременно Мейтленд почувствовал, что входит в темный дом с остроконечной крышей, виденный им раньше, в прежних грезах. Где-то внутри дома, прячась за зеркалами, высокая фигура в зеленом одеянии наблюдала за ним, удаляясь сквозь пещеры и крестовидные своды...

Весело загудел клаксон автомобиля. Под колесами закрипел гравий, перед домом разворачивалась машина.

– Джудит вернулась, дорогой, – послышался голос жены. – У тебя все в порядке?

Беззвучно выругавшись, Мейтленд попытался нащупать свою трость. Исчез образ темного побережья и дельты с призрачными пещерами. Как слепой червь, он повернул тупую голову в сторону незнакомых звуков и очертаний сада.

– У тебя все в порядке? – Он услышал, как Джудит пересекла лужайку. – Что случилось, ты так ужасно сгорбился, – неужели мерзкие птицы опять тебе докучали?

– Нет, оставь их в покое. – Мейтленд опустил трость, сообразив, что хотя чайки и не возникли перед его мысленным взором, они имели косвенное отношение к созданию образа. Пенно-белые морские птицы, охотники на альбатросов...

Он сделал над собой усилие и сказал:

– Я спал.

Джудит опустилась рядом с ним на колени и взяла его руки в свои:

– Извини. Я попрошу, чтобы кто-нибудь сделал пугало. Это должно...

– Нет! – Мейтленд резко высвободил руки. – Они совсем меня не беспокоят. – Понизив голос, он добавил: – Ты видела кого-нибудь в городе?

– Доктора Филлипса. Он сказал, что повязку можно будет снять примерно через десять дней.

– Хорошо. Впрочем, тут никакой спешки. Я хочу, чтобы все как следует зажило.

После того как Джудит ушла в дом, Мейтленд попытался вернуться к своим грезам, но образ оставался за экраном его сознания.

На следующее утро, за завтраком, Джудит прочитала ему почту:

– Пришла открытка от твоей матери. Она рядом с Мальтой, на острове, который называется Гозо.

– Дай мне, – попросил Мейтленд, ощупывая открытку. – Гозо... так назывался остров Каллисто. Она продержала там Улисса в течение семи лет, пообещав ему вечную юность, если он останется с ней навсегда.

– И не удивительно, – заметила Джудит, поворачивая открытку к себе. – Если нам удастся выкроить немного времени, мы с тобой отправимся туда и устроим себе праздник. Темное, как вино, море, райское небо, голубые скалы. Блаженство.

– Голубые?

– Да. Наверное, это просто неудачная фотография. Они не могут быть такого цвета.

– На самом деле они именно такие. – С открыткой в руках Мейтленд направился в сад, держась за натянутый для него шпагат.

Вернувшись в свое кресло, он принялся размышлять о том, что в изобразительном искусстве встречаются и другие

аналогии. Такие же голубые скалы и призрачные гроты можно увидеть на полотне кисти Леонардо «Мадонна в скалах», одной из самых грозных и таинственных из всех его картин. Мадонна, сидящая на голом карнизе возле воды, под темным уступом у входа в пещеру, похожа на верховного духа зачарованного морского царства, дожидаящегося наступления конца света для тех, кто живет на этих каменистых берегах. Как и на многих других картинах Леонардо, диковинные тайные желания и страхи удается обнаружить именно на образующих фон пейзажах. Здесь сквозь сводчатый проход между скалами просвечивали хрустальные голубые утесы, которые Мейтленд видел в своей грезе.

– Хочешь, я тебе прочитаю? – Джудит подошла к Мейтленду через лужайку.

– Что?

– Открытку от твоей матери. Ты ее держишь в руках.

– Извини. Пожалуйста, прочитай.

Слушая короткое послание, Мейтленд ждал, когда Джудит вернется в дом. Она ушла, и он несколько минут просидел почти в полной неподвижности. Сквозь ряды деревьев до него доносились далекий шум реки и слабые крики чаек, спешивших вниз по течению к дельте.

На этот раз, словно отвечая желанию Мейтленда, видение вернулось быстро. Он обогнул темные скалы и волны, заливающие входы в пещеры, и вошел в сумеречный мир гротов. Снаружи, сквозь каменные галереи, он видел поверхность

воды, сверкающей, будто ряд призм, и мягкий голубой свет, отраженный от зеркальных стен пещеры. Одновременно он ощущал, что входит в дом с островерхой крышей, окруженный стеной, являющейся скалистой грядой, которую он видел со стороны моря. Своды дома сияли оливково-черными цветами морских глубин, и портьеры из старинных кружев закрывали двери и окна, словно древние сети.

Лестница шла через грот, знакомые повороты вели во внутреннее пространство пещеры. Взглянув вверх, Мейтленд заметил фигуру в зеленом одеянии, наблюдающую за ним из сводчатого прохода. Ее лицо было скрыто от Мейтленда вуалью света, отражающегося от влажных зеркал на стенах. Что-то влекло его вверх по ступеням, Мейтленд потянулся к ней, и на мгновение лицо женщины прояснилось...

– Джудит! – Раскачиваясь в кресле, Мейтленд беспомощно пытался нащупать правой рукой стоящий на столе кувшин с водой, а левой тер лоб, пытаясь изгнать видение ужающей ламии.

– Роберт! Что случилось?

Он услышал быстрые шаги жены, а потом почувствовал, как ее руки, успокаивая, сжали его пальцы:

– Дорогой, что происходит? Ты вспотел!

Днем того же дня, когда он снова остался один, Мейтленд более осторожно приблизился к темному лабиринту. При отливе чайки возвращались на влажную отмель, находившуюся

ся ниже сада, и их древние крики увели его разум в глубины – так погребальные птицы уносили тело Тристана. Оберегая себя и свои страхи, он медленно продвигался через светящиеся покои подземного дома, отводя глаза от чародейки в зеленом одеянии, которая наблюдала за ним с лестницы.

Позднее, когда Джудит принесла ему чай на подносе, он аккуратно поел, осторожно разговаривая с ней.

– Что тебе привиделось в кошмаре? – спросила она.

– Дом с зеркалами на дне моря и глубокая пещера, – ответил он. – Я все видел, но как-то странно, словно проник в сны давно ослепших людей.

Весь день и вечер Мейтленд периодически возвращался в грот и опасно проходил через внешние покои, всякий раз чувствуя присутствие женщины, ожидающей его у входа в тайное святилище.

На следующее утро приехал доктор Филлипс, чтобы сделать перевязку.

– Превосходно, превосходно, – прокомментировал он, держа в одной руке фонарик, а другой заклеивая веки Мейтленда. – Еще неделя, и конец. Во всяком случае, теперь вы знаете, что чувствуют слепые.

– Им можно позавидовать, – заметил Мейтленд.

– В самом деле?

– Знаете, они видят внутренним зрением. В некотором смысле, это даже более реально.

– Да, такая гипотеза существует. – Доктор Филлипс закончил делать перевязку и опустил шторы. – И что же вы видели своим внутренним зрением?

Мейтленд ничего не ответил. Доктор Филлипс продолжал осмотр в затемненном кабинете, но тонкий луч его фонарика и солнце, пробивающееся сквозь шторы, наполнили его мозг искрами. Мейтленд подождал, пока сияние исчезнет, но почти сразу же понял, что свет сжег его внутренний мир, грот и дом с зеркалами и чародейкой.

– Иногда внутреннее зрение рождает поразительные, завораживающие образы, – заметил доктор Филлипс, застегивая свой чемоданчик. – Вы оказались в необычном положении, сидите и ничем не занимаетесь, но ваши оптические нервы настороже – ничейная земля между сном и бодрствованием. Тут могут происходить самые странные вещи.

После того как он ушел, обращаясь к невидимым стенам, Мейтленд прошептал:

– Доктор, верните мои глаза.

Ему понадобилось два полных дня, чтобы вернуться в прежнее состояние и излечиться от воздействия внешнего света, который принес с собой доктор. Медленно, шаг за шагом, он исследовал скрытую береговую линию, заставляя себя двигаться вперед сквозь морской туман в поисках потерянной дельты.

Наконец он снова видел сияющие пляжи.

– Пожалуй, будет лучше, если сегодня я лягу один, – сказал он Джудит. – Я пойду в спальню матери.

– Конечно, Ричард. А в чем дело?

– Меня постоянно что-то тревожит. Я очень мало двигаюсь. Но осталось всего три дня. Не хочу тебя беспокоить.

Мейтленд сам добрался до материнской спальни, в которую попадал всего несколько раз за долгие годы своего брака. Высокая кровать, тихий шепот шелка, эхо забытых запахов вернули его в раннее детство. Он не спал всю ночь, прислушиваясь к шуму реки, отражающемуся от хрустальных украшений над камином.

На рассвете, когда чайки прилетели из дельты, Мейтленд снова посетил голубые гроты и высокий дом на скалах. Зная о существовании его обительницы, женщины в зеленых одеяниях, поджидающей его на лестнице, он решил дождаться утреннего света. Манящие глаза и бледный маяк ее улыбки звали его за собой.

После завтрака приехал доктор Филлипс.

– Все в порядке, – деловито сообщил он Мейтленду, ведя его в дом по лужайке. – Пора снимать повязку.

– Окончательно, доктор? – спросил Мейтленд. – Вы уверены?

– Абсолютно. Мы ведь не хотим ждать вечно, не так ли? – Он развернул Мейтленда в сторону кабинета. – Садитесь сюда, Ричард. Закройте, пожалуйста, шторы, Джудит.

Мейтленд стоял, нащупывая край письменного стола.

– Доктор, но вы же сказали, что осталось еще три дня.

– Мне так казалось. Однако я не хотел вас волновать понапрасну. В чем дело? Вы колеблетесь, словно старая женщина. Разве вы не мечтаете снова стать зрячим?

– Зрячим? – ошеломленно повторил Мейтленд. – Конечно. – Он послушно опустил в кресло, и доктор Филлипс начал снимать повязку. Мейтленда вдруг охватило страшное чувство утраты. – Доктор, а нельзя ли отложить...

– Чепуха. Все в порядке. Не беспокойтесь, я не собираюсь открывать шторы. Пройдет еще целый день, прежде чем вы сможете выйти на солнце. А пока я дам вам набор фильтров. Да и в любом случае, повязка пропускает гораздо больше света, чем вы предполагаете.

В одиннадцать часов следующего утра, надев солнечные очки, Мейтленд вышел на лужайку. Джудит осталась стоять на террасе и наблюдала за тем, как он обходит свое инвалидное кресло. Когда он добрался до деревьев, она позвала его:

– Все в порядке, дорогой? Ты меня видишь?

Не отвечая, Мейтленд обернулся, потом, сняв солнечные очки, бросил их в траву, посмотрел сквозь деревья на дельту, на голубую поверхность воды, простирающуюся до противоположного берега. Сотни чаек стояли на берегу, повернув головы в профиль, так что Мейтленд видел их изогнутые клювы. Он взглянул через плечо на дом с островерхой

крышей, узнав в нем тот, в котором бывал в своем видении. Теперь все в нем, как и текущая мимо блестящая река, казалось ему мертвым.

Неожиданно чайки взмыли в воздух, их крики заглушили голос Джудит, когда она снова позвала мужа с террасы. Плотной спиралью, поднявшись с земли, словно огромная коса, чайки развернулись над головой Мейтленда и пронеслись над домом.

Быстро раздвинув ветви ив, он вышел на берег реки.

Мгновение спустя Джудит услышала его громкий крик, перекрывший вопли чаек. Его голос был исполнен боли и триумфа, и она побежала к деревьям, не зная, поранился ли ее муж или обнаружил что-то любопытное.

Потом она его увидела: Мейтленд стоял на берегу с поднятым к солнцу лицом, яркий кармин заливал его щеки и руки – подобно страстному, нераскаившемуся Эдипу.